

ко в большинстве своем встречающиеся погрешности не существенны и несколько не умаляют отмеченных выше достоинств рецензируемого издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*. P., 1921. P. 144, 381—384.

Jacob A. Temps et langage: Essai sur les structures du sujet parlant. 2-me éd. P.: Armand Colin, 1992. XX + 411 p.

Рецензируемая книга представляет собой переиздание впервые вышедшего двадцать пять лет назад труда А. Жакоба, ученика Г. Гийома, ныне профессора-эмеритуса в университете Paris-X, руководителя издания "Универсальной философской энциклопедии", выпущенной недавно университетским издательством Франции (Париж), известного специалиста в области философии языка. Влияние мэтра сказывается практически во всех частях монографии: от общелингвистического подхода до языковых иллюстраций и стиля диаграмм. Можно сказать, что данная книга представляет развернутое философское обобщение лингвистических взглядов Г. Гийома, чем, между прочим, объясняется и стиль, не вполне привычный для русского читателя.

Книга состоит из Введения, трех частей (каждая из которых разбита на три главы) и Заключения. Библиография включает работы до 1967 г., что вызывает сожаление, поскольку поднятая проблема в последние два десятилетия исследовалась очень интенсивно. Несомненно ценным является глоссарий, охватывающий не только терминологию концепции Г. Гийома, но и некоторые общеполитические понятия, которым предлагается оригинальное истолкование.

В предисловии ко второму изданию указывается (с. X), что язык обязан времени живучестью и смыслом своего бытия, а время обязано языку своей структурированностью. Язык и время пересекаются в мире символизации (с. XV). Замысел работы, — кстати, основанной на диссертации автора, — заключается в том, чтобы на основе интерпретативного подхода развить теорию субъекта-человека, опираясь на синхронную организацию языка. На передний план выдвигается все, что связано с моментом "Я говорю", который рассматривается во временной перспективе, т.е. синхрония берется на фоне диахронии, которая тем самым "очеловечивается" (с. XVIII). Субъект же берется как "возможность сказать", обуславливающая "возможность сделать" (с. XX)

2. *Кузнецов П.И.* К обоснованию теории вербальности тюркского предложения // СТ 1980 № 3, 4.

3. *Кузнецов П.И.* Является ли строй тюркских языков изначально именным? // ВЯ. 1980 № 6.

Щербак А.М.

Во Введении выдвигается тезис о том, что история постижения времени выливается в колебания между естественным и "сверх-естественным". Говорящий субъект — существо, преодолевающее простую зависимость от становления, это свидетель становления, вносящий от себя упорядоченность, достаточную для передачи сообщений. Так говорящий преодолевает свою сиюминутность, вырисовывается из настоящего. Говорящий субъект — и проект, и воспоминание. А язык, употребляемый субъектом, вполне соответствует этому. Так, знаки осмысляются в отсутствии обозначаемых ими предметов и являются в той или иной мере носителями времени (с. 11). Более того (с. 15), знаки эти являются средством избежать необходимости в непосредственном присутствии и исчезновении событий.

В части первой — "Подход синхронии" — отмечается, что для того, кто в нашем мире существует и мыслит, реальность обладает двумя различными плоскостями: эволюцией (со всеми перипетиями изменения) и абстракцией (в конкретный момент) от этой эволюции, но так, чтобы все, что выясняется о таком моменте, сохраняло свою силу для определенного этапа в становлении. Эти взаимодополнительные подходы никогда не бывают представлены в чистом виде. Языковая синхрония — язык сам по себе, взятый в качестве живой единицы там, где диахрония занята историей языка.

В первой главе — "Развитие структурной лингвистики" — идея структурализма характеризуется как представление о том, что каждому языку свойственны некоторые структуры, оправдывающие собственное лингвистическое автономное исследование: языки — объекты для лингвиста — представляют собой единства, в которых царит полная гармония. Однако (с. 47) рассматривать языковую синхронию в качестве конкретного модуса бытия — значит включить это бытие, возможно, даже в негативном смысле, в рамки человеческого становления, а тем самым приписать бытию значимость

во времени. Поиски в диахронии объяснения для форм, находимых в синхронии, хотя и неизбежны, но и недостаточны.

Во второй главе — "Языковое выражение времени" — отмечается, что самым замечательным в отношении между языком и временем является для человека возможность указывать время. Особенное внимание уделяется в этой связи исследованиям Г. Гийома. Есть своеобразная архитектура времени, особенно в рамках глагольных систем каждого языка. Причем время не является самодостаточным контекстом: для его выражения приходится пользоваться средствами, необходимыми для выражения пространства. "Хроногенез" в смысле Г. Гийома (т.е. продуктивная операция по приданию времени свойств пространства, полностью покрывающая систему спряжения) заставляет ревизовать взгляды на синхронию. Время должно рассматриваться как пульсирование синхронии. Синхрония — это структура в самом акте (с. 81).

В третьей главе — "Синхронная организация языкового поля" — подчеркивается, что синхрония находится в центре внимания при рассмотрении времени в современной лингвистике. Методологическая синхрония — стремление учитывать состояния языка в абстракции от реального становления. Синхрония не подчинена, а главенствует над диахронией (с. 84). Есть и другая разновидность синхронии — та которую находят в деяниях каждого говорящего субъекта в качестве обоснования бытия языка — динамическое следствие организации языка. Язык же — само бытование (*être-là*, *Dasein*) темпоральности (с. 85). Язык предстает как более или менее систематичный анализ становления. В соответствии со своими собственными законами он перекомпоновывает смену элементов реальности.

В результате автор приходит к выводу, что не следует смотреть на историю как на синхронные срезы, сосуществующие в определенном моменте, и обращаться к диахронии только в поисках объяснения. Синхрония должна определяться в терминах самих соотношений: систематизация таких соотношений позволяет установить типологическую организацию говорящего субъекта, располагающего неопределенно большим числом экземпляров языковых выражений, предназначенных для понимания и сообщения. Синхронная система конституируется не историей, а мышлением этого субъекта, разворачивающимся во времени (с. 117). Любая безусловная подчиненность настоящего прошлому покоится на ограниченной и недостаточной концепции истории и чело-

веческой темпоральности (с. 117). Чтобы быть объяснительной, лингвистика должна стать генетической, ухватывать механизмы, позволяющие формам конституироваться (с. 118). Заметим в скобках, что именно это положение было принято еще раньше на вооружение в некоторых концепциях генеративной лингвистики, когда правила и процедуры грамматики трактуются не как развертывающиеся в диахронии, а как то, что составляет синхронную систему. Углублять синхронный взгляд — значит, по Жакобу, вычленять операции, характерные для нашего лингвистического взгляда на мир (с. 118).

Во второй части — "Генезис языковой деятельности" — утверждается, что языковые структуры, помогающие составить мир, могут быть поняты только в связи с деятельностью говорящего человека. Именно эта связь позволяет выявить настоящий генезис языковой деятельности. Операциональной (у автора "оперативной" — *opérative*) лингвистикой называется подход, нацеленный на воссоздание системы своих операций. В рамках такой лингвистики, например, именные и глагольные категории противопоставляются в точности как пространство и время (с. 127). Каждый раз, когда имя объявляет некоторую идею, которая представляется имплицитующей процесс, у нее выделяется темпоральный характер, — однако эту категорию понимают в отношении к пространству.

В главе четвертой — "От лингвистических операций к их конструированию" — оперативное время определяется как неметрическая мера систематической организации, предназначенная для осуществления эффективных дискурсов (с. 142). В феноменологических терминах, это оперативное время связывается автором с языком ("нозматично") в качестве того, что заложено в субъекте ("нозтично"). Автор склоняется к мысли, что артикль есть дематериализованное имя (с. 162).

В пятой главе — "Оперативная интерпретация языковой эволюции" — постулируется следующее свойство (конструктивности и языковой телеологичности): пока индивид, погруженный в становление, не подвергается какому-либо революционному изменению, время протекает от будущего к прошлому. Именно это движение фундаментально. Но всякая попытка повлиять на становление, особенно с помощью действия, приводит к противоположному направлению. Эта мутация гарантируется именно свойствами языка (с. 165). Вслед за философами 1960-х годов, рассматривавшими человека через призму возможности бытия, развитие

языковых структур Жакоб представляет как смену возможностей сказать, составляющих основную часть человеческого бытия (с. 171). Такая аналогия приводит к очеловечению взглядов на язык, что в терминах "оперативной лингвистики" может быть охарактеризовано как "прояснение": язык — это прояснение, т.е. как раз совокупность средств, благодаря которым мир проясняется для нас (с. 172). Дискурс разворачивается во времени, и это, как считает автор, есть расплата за потребность в структуре у языка (с. 176). В то же время, будучи инструментом придания времени свойств пространства, язык служит времени, хотя внешне кажется ему противоречащим (с. 189).

В шестой главе — "Язык как механика значений" — подчеркивается следующее феноменологическое положение: смысл существования языковой эволюции — в актах языка, оперативность которых соответствует генезису системы, совершенно не напоминающей исторический генезис (с. 190). Поэтому именно оперативная синхрония определяет "механику значений": ведь в каждом человеке существуют движения смысла (аналогичные движениям в природе), подчиняющиеся четкой организации, вписывающейся в механику взаимоотношений между миром и человеком по ходу символизации. Эта механика не представляет собой слепые силы, а скорее зависит от человеческого разума и от целенаправленности.

Таким образом, главным пространством изменений является не столько совокупность языковых форм, сколько субъекты, обладающие потребностью в речи. Язык в своей совокупности движений, бесконечно повторяющихся в рамках субъектов — носителей языка, каждый раз заново осваивает революционное изменение, преломляющее космическое пространство-время в смысл человеческого пространства-времени (с. 231).

Третья часть — "Временной подход и лингвистика человеческого субъекта" — завершает книгу в антропологическом ключе. Время, по мнению автора, является местом разрыва между актуальным и неактуальным (с. 237).

В седьмой главе — "Основания языкового опыта" — вводится понятие "темпорализация": движение, которым на основе космического становления конституируется собственно человеческое время и в котором структурирующую роль играют языковые механизмы. Репрезентирующая сила языка тем лучше служит целям темпорализации, чем больше темпорализация содержит жизнь смысла (с. 240). Между человеком и универсумом устанавливается отношение

интериоризации, которое вскрывается в результате не экстерииоризации нашей мысли, а углубления в нас самих и объясняет, чем человек является в универсуме. Чем меньше человек проникает в самого себя, тем больше в нем проявляется универсум. Язык, как и работа, есть раскрепощающее мастерство (с. 247) и потому не ограничивается пространством, а образует систему оппозиций, развиваемых во времени.

В главе восьмой — "Потенциальность и субъект" — власть говорящего субъекта (в ницшеанском смысле) приравнивается к генетическому, неотъемлемому характеру операциональности. Время так и могло бы остаться пустой и аморфной средой, если бы его не представляли одушевленным и структурированным языком (с. 298).

В девятой главе — "Мгновение и история" — развивается понятие стенономии (термин Г. Гийома) — свойства настоящего времени обладать возможностью мыслиться все уже и уже без способности расширяться в мысли бесконечно. Бесконечно большое настоящее, поглощающее прошлое и будущее, перестало бы быть настоящим. В этом состоит соотношение с мгновением акта некоторого субъекта, точки на фоне всеобъемлющего универсума. Структуралистское и генетическое исследования языкового времени показывают переход от широкого — "виртуального" — настоящего к узкому — "актуальному" (с. 303). Человек общается с себе подобными в сфере возможного, а не реального.

В Заключении подводятся итоги. Человеческое время в наибольшей мере обязано языку в силу того, что само отрицает универсальное протекание, приобретая способность свидетельствовать об этом своей структурированностью в рамках конкретных субъектов (с. 367).

Рецензируемая книга является, несомненно, ценным исследованием. А учитывая то, что это переиздание в основном почти не измененного текста 1967 г., можно сказать, что мы имеем дело с памятником лингво-философской мысли. По всем признакам можно судить, насколько дорога самому автору эта работа. Исследование настолько перегружено общими рассуждениями, а лингвистические иллюстрации играют настолько малозначительную роль, что книгу можно назвать скорее откровениями, прямым изложением интуиции автора, чем изложением доказательства теории. Ну что же, каждый автор волен выбирать свой научный стиль. Просто не все отваживаются публиковать результаты лингвистического исследования именно в этом стиле, стремятся с

помощью (зачастую случайных) примеров уснастить текст языковыми иллюстрациями, не сказывающимися, впрочем, на том направлении, которое примет работа в ре-

зультате анализа конкретного языкового материала. Данная же монография лишена подобного камуфляжа.

Демьянков В.З.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.

Книга А.Е. Кибрика представляет собой сборник статей, в большинстве уже публиковавшихся в разное время, начиная с 1972 г.; некоторые из них, однако, существенно переработаны при подготовке к данному изданию или же впервые печатаются по-русски. Проблематика, затрагиваемая в книге, очень широка и неоднородна: теория языка, типология, социолингвистика, полевая лингвистика, прикладная лингвистика, кавказоведение и др. Однако, как указывает автор в предисловии, "эти внешне разрозненные лингвистические области знания в действительности самым тесным образом связаны друг с другом, дополняют и обогащают друг друга и, более того, имеют дело по существу с одним и тем же объектом, рассматривая его в различных проекциях. Таким объектом является **ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА**" (с. 3).

Книга открывается статьей "Язык" из "Лингвистического энциклопедического словаря". Здесь автор в соответствии с жанром энциклопедической статьи суммирует накопленные теоретической лингвистикой представления о тех или иных языковых явлениях, давая в ряде случаев и свою собственную интерпретацию ряда спорных вопросов. В сжатой форме, по необходимости тезисно, но четко, изложены основные понятия современной лингвистики. Достаточно удачно определяются такие весьма неясные и спорные понятия, как "говор", "диалект" и "язык", "лексическое и грамматическое значение", "парадигматические, синтагматические и иерархические отношения" и др. Особенно хотелось бы выделить разделы о словаре и грамматике и о видах грамматических правил. Безусловно, рассматриваемая статья не может удовлетворить во всех отношениях каждого лингвиста. Отдельные формулировки, содержащиеся в ней, нередко спорны. Верно, что разграничение языка и диалекта связано не только с чисто языковыми факторами, но и с социальными параметрами, вполне точно перечисленными А.Е. Кибриком, но думается все же, что именно эти социальные параметры играют здесь решающую роль: с точки зрения чисто языковых факторов

вологодско-вятские диалекты скорее бы выделялись в особый язык сравнительно со среднерусскими, чем белорусские; хинди и урду считались бы одним языком, а китайские, арабские и некоторые японские диалекты — особыми языками и т.д. А.Е. Кибрик пишет: "При отсутствии специальной нормирующей деятельности, направленной на консервацию языкового состояния (ср. классический арабский язык), языки постоянно претерпевают изменения во всех звеньях своей структуры" (с. 11). Из этой фразы вытекает, что при наличии нормирующей деятельности языки не изменяются. Однако неизменяющийся язык, вероятно, вообще невозможен, а нормализация языка, конечно, сильно замедляет его развитие, но не прекращает его. Не говоря уже о лексике, которая постоянно меняется со временем и, даже наиболее поддающаяся нормализации морфология не остается неизменной. Нормализаторы могут следить за тем, чтобы в "правильный" язык не проникали "испорченные" разговорные формы, но они часто не могут предотвратить исчезновения тех форм, которых уже нет в разговорном языке. В старописьменном японском языке XX в. глагольная морфология была сильно редуцирована [1], а в церковнославянском языке XVIII в. уже разрушалась система времен. Безусловно, верно, что системы письменности вторичны по отношению к звуковой материи (с. 12), но все же письменный язык далеко не однозначно соотносится со звуковым и нередко развивается по особым законам.

Весьма интересен второй раздел книги "Языковые постулаты", сжато, в тезисной форме перечисляющий "те коренные сдвиги в лингвистической идеологии, которые происходят в ней в последние годы и, как... думается, должны предопределить ее развитие в ближайшем будущем" (с. 17). По мнению А.Е. Кибрика, лингвистика переходит от метода "черного ящика" к построению моделей, объясняющих, как устроен язык на самом деле; объект лингвистики все более расширяется, включая в себя то, что ранее считалось "не лингвистикой". Признается примат семантики над синтаксисом;